

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
М20

Любое использование материала данной книги,
полностью или частично, без разрешения правообладателя
запрещается.

Художественное оформление — *Екатерина Фerez*

Мальшева, Анна Витальевна.

М20 Солнце восемь минут назад: [роман] / Анна Мальшева. — Москва : Издательство АСТ, 2023. — 320 с. — (Задержи дыхание. Проза Анны Малышевой).

ISBN 9978-5-17-149933-4

Александра Корзухина — художница, реставратор и продавец антиквариата — получает новый заказ. Задание, очень хорошо оплаченное, кажется ей странным. Ей предлагают подделать... подделку. Она становится участницей давней семейной драмы, и самое невероятное в ней то... что она, кажется, влюбилась.

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-149933-4

© Малышева А., 2023
© ООО «Издательство АСТ», 2023

Глава 1

Красные валенки с узором из белых снежинок бросились в глаза Александре сразу, как только она вошла в магазин при заправке. Кроме продуктов и, разумеется, бензина, здесь продавались товары, которые могли понадобиться дачнику: скребки для снега и лопаты, куртки, шерстяные носки и рабочие рукавицы. Нарядные валенки красовались среди этой выставки с несколько смущенным видом, словно недоумевая, как они здесь оказались. Александра, забыв о том, что мечтала о кофе, немедленно примерила их и понесла на кассу.

Светлана как раз расплачивалась за бензин и завтрак. Обернувшись, она подняла брови:

— Надо же, какие симпатичные! Интересно, мой тридцать пятый размер найдется?

— Они там были одни, — сообщила Александра.

Девушка в желтой форме, стоявшая за кассой, подтвердила, что красные валенки существуют в одном экземпляре, и пробила Александре чек. Прижи-

мая к груди попку, художница присела за столик, где уже устроился муж Светланы, Аристарх.

— Вот, не удержалась, — посмеиваясь, сказала Александра. — Говорят ведь, что дурак красному рад.

— Они тебе очень пригодятся, — отвечая ей, Аристарх ласково смотрел на девушку, ставившую на прилавок перед Светланой две чашки со свежесваренным кофе и тарелку с пирожками. Как только на него оглянулась жена, его взгляд сделался преувеличенно серьезным, и он добавил: — Там снегу по колено.

Выезжая еще затемно из Москвы, они решили позавтракать по дороге в загородный отель, где их ждал первый рабочий день. Кухня в ресторане отеля еще не была полностью оборудована, из персонала на территории находился только сторож. Заказчик обещал приехать ближе к полудню.

Синий морозный рассвет медленно превращался в белое утро. За окнами заправки уже можно было рассмотреть заснеженное поле, окаймленное черной бахромой елового леса.

— И так дальше — все леса и леса, до самой Владимирской области, — Аристарх тоже смотрел в окно. — Глуховато, но заказчик считает, что гости будут платить за тишину и чистый воздух. Плюс он очень надеется, что эта идея с арт-отелем зацепит клиентов.

— Зацепит или нет, нас касаться не будет, мы свое получим, — за стол присела Светлана. Она придвинула мужу чашку. — По-моему, это невозможное пойло, но делать нечего. Я забыла взять термос. Приготовила и в последний момент забыла на кухне.

Аристарх покорно уткнулся в чашку. Девушка в желтой форме бросила на него такой жгучий взгляд из-за кассы, что Александра невольно улыбнулась.

— Я тоже что-нибудь возьму. — Она поднялась из-за столика.

Пока в кофемашине хрустели зерна, она выбрала шоколадку и слоеный пирожок с сыром. Девушка поставила пирожок в микроволновку и снова украдкой взглянула на Аристарха. Александра попыталась увидеть старого знакомого ее глазами и не могла не признать, что тот все еще способен пленить женское сердце с первого взгляда.

Аристарху было под шестьдесят, но он сохранил юношески стройную фигуру. Рост метр восемьдесят, широкие плечи, мужественные и вместе с тем тонкие черты загорелого лица, белоснежная седая шевелюра, лукавые черные глаза и заломленные над ними густые черные брови — все это делало его похожим на актера, играющего роли героев-любовников. Сходство усугубляла совершенно очаровательная застенчивая улыбка, которой он щедро одаривал любую женщину, встретившую его взгляд. Лет десять назад, познакомившись с ним на вечеринке в одной мастерской, Александра сама поддалась этим чарам. Впрочем, это увлечение прошло моментально и бесследно: она очень быстро поняла, что перед ней человек, абсолютно лишенный характера. Аристарх Сазонов был патологически безволен. Трудолюбивый и не вовсе бесталаный декоратор интерьеров, он навсегда бы остался в тени своих более напористых коллег, если бы не жена. Светлана, с которой

Александра познакомилась на той же вечеринке, заменяла мужу и волю, и ум, и житейский здравый смысл. Рядом с этим ослепительным принцем она выглядела Золушкой, о которой забыла фея-крестная. Маленькая, щуплая, с крысиным профилем и безжалостной химической завивкой образца восьмидесятых годов, очень ей не шедшей, Светлана была совершенно равнодушна к своему внешнему виду. Имела ли она какое-то образование, никто не знал наверняка. Казалось, эта женщина родилась на свет лишь для того, чтобы стать женой своего мужа. Сама она любила повторять, что ради карьеры Аристарха пожертвовала собственными амбициями. Светлана искала заказчиков, проверяла договора, выбивала деньги, следила за тем, чтобы супруг посещал нужные мероприятия и оставался на виду. Все знали, что Сазонов самостоятельных решений не принимает, и сразу обращались к ней. Ошеломляющий успех у женщин, которым пользовался Аристарх, должен был бы разрушить или, по крайней мере, отравить этот брак. Но ничего подобного не происходило — это была на редкость гармоничная, крепкая пара, и никто не мог сказать наверняка, был ли у застенчивого красавца-дизайнера хотя бы один роман. Он всячески превозносил супругу, хвалил ее в глаза и за глаза, твердя, что без нее никогда бы ничего не достиг.

В последние годы Светлана внезапно открыла в муже художника, и это превратило его в одиозную фигуру в глазах всей Москвы. Как дизайнером Сазоновым никто никогда не восхищался, но это был

крепкий средний профессионал. В качестве художника он представлял полное ничтожество, но не видел этого всего два человека — он сам и его супруга. Светлана с прежней неумолимой энергией продвигала его на рынке, хлопотала, устраивая выставки, на которые никто не приходил, унижалась, интриговала, с деланой улыбкой переносила оскорбительные насмешки... Обаятельный беловолосый великан верил ей безусловно — и штамповал одну чудовищную картину за другой.

Александра любила бы эту пару, если бы могла забыть об этих полотнах, о которых к тому же приходилось говорить что-то приятное. Другой оценки Светлана никогда бы не приняла, да и обижать Аристарха, добрейшего человека, художница не хотела. Супруги относились к ней очень тепло. И вот, никак этого не ожидая, сразу после Нового года Александра получила благодаря им заказ. В Подмоскowie устраивался арт-отель. Аристарх должен был вернуться к прежней роли дизайнера интерьеров, чему очень радовался. Александре же, насколько она себе уяснила, предстояло в кратчайшие сроки создать несколько полотен. Правда, художница понятия не имела, о чем именно пойдет речь. С заказчиком она еще не встречалась. Светлана ее успокаивала, обещая, что работа как раз по ней. Этим утром они вместе выехали на объект.

...Вернувшись за столик, Александра застала друзей за беседой. Говорила, впрочем, одна Светлана — ее супруг только философски приподнимал в ответ красиво заломленные брови. Он вообще говорил не-

много и всегда очень тихо, словно боялся кого-то разбудить. К нему приходилось прислушиваться.

— Объясняла я ему сто раз, что он ставит совершенно невозможные сроки, так может делать только человек, не имеющий никакого представления о художественном процессе! Ноль эмоций. Ты разве не знаешь этих нуворишей?! Представь, что он сказал! — Теперь она повернулась к Александре, осторожно принявшей за дымящийся кофе. — Заявил, что если мы боимся не справиться, то он возьмет еще одного дизайнера! В своем ли он уме?! Это все равно что оркестр с двумя дирижерами сразу!

Художница принялась помешивать кофе ложечкой, разгоняя сливочную пену:

— А между прочим ничего себе. Я имею в виду капучино. Заказчик торопится, естественно, ему же надо деньги отбивать. Но вы успеете?

Аристарх пожал плечами, Светлана бросила на него гневный взгляд:

— Придется успеть, мы подписали договор. Но у меня просто сердце кровью обливается, как вспомню эту наглую физиономию... С кем приходится иметь дело! Вот почему я хотела, чтобы ты бросил декор!

— Света, художникам тоже приходится иметь дело черт знает с кем, — заметила Александра. — У декораторов хоть какие-то критерии оценки есть. Функциональность, скажем. Эргономичность, как вы выражаетесь. У художников — ничего подобного. Поэтому я предпочитаю продавать чужие картины, чем писать свои. И волнуюсь... Я же понятия не имею, о чем речь.

— По-моему, он говорил о том, что надо пару-тройку раз скопировать какую-то картину. — Светлана подняла к потолку красноватые рачьи глаза навывкате. Она не выспалась и была не в духе. — Нес какую-то чушь о стилистике, рассуждал о том, чего не понимал. Я не стала даже вслушиваться. Сегодня сама все узнаешь. Отвратительный тип!

Аристарх глубоко вздохнул, украдкой взглянув в сторону кассы. В магазине появились новые посетители, двое веселых парней, чей джип виднелся за витринным окном. Они расплачивались за бензин, покупали еду навынос и любезничали с девушкой в желтой форме. Та охотно смеялась.

— Допивай и поехали. — Светлана дернула мужа за рукав и отодвинула свой стул, поднимаясь. — Еще километров пятнадцать. Надеюсь, дорогу расчистили.

Аристарх покорно опустошил чашку и направился к выходу. Александра в два глотка допила остывший капучино и поспешила за друзьями. Когда они усаживались в выставшую машину, над лесом показалось заспанное январское солнце — сизо-алое, обещавшее морозный день.

* * *

Двухметровый деревянный забор, вдоль которого ехала машина, навел на мысли о древнерусской крепости. Забор был сложен из грубо отесанного бруса, на ребрах которого тут и там виднелась кора. Александра пыталась рассмотреть, что находится за

оградой, но заметила только мелькнувшую поодаль островерхую красную крышу.

— Огромная территория, — произнесла она, не отрывая взгляда с массивных брусев. — Сколько все это может стоить?

— Деньги у клиента есть, не сомневайся, — ответила Светлана, обернувшись к ней. — К таким типам деньги так и липнут! Или они к ним.

— Там почти два гектара, — подал голос Аристарх, не сводя глаз с дороги, стиснутой высокими сугробами, оставленными снегоуборочной машиной. Почти вплотную к ограде подступал сосновый лес, розовый от поднимавшегося солнца, пронзенный яркими синими тенями. Александра залюбовалась световыми эффектами в стиле Куинджи и не заметила, как «тойота» Сазоновых остановилась у красных решетчатых ворот. Аристарх, не выключая двигателя, убрал руки с руля. Светлана открыла дверцу, выбралась наружу и нажала кнопку вызова на панели кодового замка. Вернулась в машину и, захлопнув дверцу, поехала:

— А солнышко-то не греет. Надо подождать, сейчас нам откроют.

Ждать пришлось несколько минут. Волны тепла, извергаемые кондиционером, усыпляли Александру. Этой ночью ей едва удалось уснуть, проспала она часа два. Художница и радовалась тому, что получила работу по своей прямой специальности, не связанную, наконец, с торговлей антиквариатом, и переживала, удовлетворит ли ее уровень клиента. «Светлана умеет рекламировать даже своего мужа, а уж что

он из себя представляет как художник, только слепому не понятно. Страшно подумать, чего она наговорила обо мне! Когда я в последний раз продавала собственную картину?!» Вспомнив, как давно это было, художница испустила тяжелый вздох.

К воротам тем временем приближалась фигура, сразу вызвавшая у Александры интерес. Дремота ментально прошла. «Если это сторож, — думала она, разглядывая подходившего к воротам парня, — то хозяин — человек незаурядный!»

— Здешний сторож, — словно читая ее мысли, общила Светлана. — Жора.

Жора вынул из кармана пульт и нажал на кнопку. Красная решетка сдвинулась в сторону, освобождая проезд. Машина въехала на территорию отеля, и Жора немедленно закрыл ворота. Аристарх повернул ключ в замке зажигания, двигатель умолк. Все выбрались наружу.

Пока Аристарх пожимал руку парню и они обменивались беглыми репликами о дороге и о погоде, Александра разглядывала Жору в упор, не стесняясь — так художники оценивают потенциальную модель.

Сторожу было лет двадцать пять, не больше. Среднего роста, очень худой, бледный, впалые щеки, острый нос. Усы и бородка делали его, как ни странно, не старше, а моложе. Длинные, чуть не до локтя, густые русые волосы были собраны в два хвоста голубыми резинками и лежали на груди, поверх цигейкового жилета. Жилет был накинут на армейскую куртку хаки с вышитыми тут и там синими незабудками. На-

ряд дополняли джинсы, солдатские грубые ботинки, краги из пятнистой коровьей шкуры. Александра отметила длинные музыкальные пальцы парня с припухшими артритными суставами. На безымянном пальце левой руки красовалось кольцо, сплетенное из бисера, — такое широкое, что закрывало всю фалангу.

Встретясь он ей в мастерской у коллег, Александра даже не взглянула бы на парня во второй раз, настолько этот типаж был бы там уместен. Но в лесу, в качестве сторожа большого отеля, Жора смотрелся странно. «Здесь нужен здоровенный мужик, чистить снег и дрова рубить. И лучше не один. А тут такое “дитя цветов”!» Знакомясь и протягивая сторожу руку, художница невольно улыбнулась.

— Георгий, Жора, — церемонно представился парень. — Здешний привратник. Я не люблю, когда меня называют сторожем.

— Александра, Саша, — ее улыбка становилась все шире. — Художница. Хотя меня редко так называют, но я тоже этого не люблю.

Парень озадаченно взглянул на нее и улыбнулся в ответ. Зубы у него оказались скверные — серые, в черных точках. Улыбка моментально исчезла, словно он вспомнил о своем недостатке.

— Как вы хотите жить? — спросил он, обращаясь сразу ко всем. — В одном шале или в двух разных?

— В двух разных, — немедленно ответила Светлана. — Иначе мы не сможем работать.

Александра согласно кивнула. Она привыкла к одинокой жизни и с трудом выносила чье-то постоянное присутствие рядом.

— Как скажете, — меланхолично ответил парень. — Мне просто дров рубить в два раза больше, ну да ладно.

— Здесь печное отопление?! — обрадовалась Александра.

Она питала слабость к печкам еще с детства, когда они с родителями гостили у родственников в подмосковной деревне. Ради нее печь топили летом, даже в жару — так Саша любила сидеть рядом с дверцей и смотреть, как в открытом поддувале на груде золы пляшут отсветы огня. В этой пляске ей мерещилось нечто волшебное: золотые саламандры, огненная зыбь на заколдованной реке... Сидя по-турецки перед печкой, ссутулившись над сказками Гофмана, Саша дождалась, когда угли прогорали. Тогда она с помощью холщовой рукавицы открывала дверцу топки (что было строго запрещено делать) и завороченно смотрела, как тонкие огненные черви ползают по чернеющим углям. Иногда раздавался легкий треск, хлопок — словно удар крошечных ладоней. В лицо дышал тяжелый, плотный жар. Спать она ложилась, словно опьянев, и спала крепко, как никогда в городе.

— Здесь камины в каждом шале, — пояснил Жора. — Правда, везде теплые полы, но в морозы этого мало. А завтра обещают минус двадцать. Ну, идемте!

Оставив машину на широкой расчищенной площадке за воротами, они двинулись по дорожке, ведущей к главному зданию. Это его красную крышу Александра заметила из-за ограды. Приземистое

двухэтажное сооружение было выстроено из того же массивного, грубо обработанного бруса, что и забор. Заказчик явно не гнался за стилистическими изысками, предпочитая прочность и лаконизм. Никаких эркеров, балконов, колоннад — ничего, что ожидала увидеть здесь Александра. Крепкий, непритязательного вида дом был совершенно уместен в сердце заснеженного леса — словно вырос на этом месте сам, без помощи проектировщика и рабочих. И дом понравился художнице.

— С виду так себе, но там очень тепло в морозы, — Жора перехватил взгляд Александры, когда она рассматривала узкие одностворчатые окна фасада. — Это зимний отель, по сути. Недалеко — гора, уклон градусов сорок, там на санях катаются, на лыжах. Курорт, можно сказать. Да и летом здесь отлично. Правда, в лесу надо поосторожней — лоси ходят, кабаны. И волки.

— Волки?! — остановилась Александра. По дорожке, ведущей к главному зданию, могли идти рядом только два человека. Они с Жорой шли первыми, за ними, поотстав, следовали Светлана и Аристарх. Она слышала их тихие голоса и скрип снега. — Seriously, волки?

— Больших не видел, а волчата прибежали, — усмехнулся сторож. — Прямо за оградой резвились. Я сперва подумал, что кто-то щенков подкинул, потом они побежали, и смотрю — бегут не как собаки. Ссутуленные, лопатки вверх, морда к земле... И дикие совершенно. Волчата, двое. Ну, значит, где-то рядом была и мамаша.

Он первым ступил на крыльцо, постучал ботинками по обледеневшему граниту ступеней:

— Весь вечер лед скалывал, забыл песком посыпать. Осторожнее! У вас ботинки скользкие?

Парень подал Александре руку, помогая подняться на веранду, и она поразилась тому, как холодны его пальцы — словно в ее горячую ладонь вложили горсть снега. Сама Александра почти никогда не мерзла. Художницу закалило многолетнее существование в неотопливаемой мансарде, прежде служившей ей мастерской.

— Я валенки купила, — сообщила она, оглядываясь на машину. — Там остались, в пакете.

— И правильно сделали, сейчас принесу. — Жора потянул на себя входную дверь — тяжелую, бронированную, декорированную накладками из красного дерева. — Добро пожаловать!

Она переступила порог одна — парень отправился навстречу Светлане и Аристарху, которые, не дойдя до крыльца, остановились и принялись что-то обсуждать. На этот раз, вопреки обыкновению, говорил Аристарх — он то и дело указывал на обе стороны здания, на маленькие домики в швейцарском стиле, тонувшие в снегу. Это были домики для гостей, те самые шале, которые ему предстояло декорировать.

Закрыв за собой дверь, чтобы не выходило тепло, Александра огляделась. Обширный холл, занимавший почти весь первый этаж здания, был полупуст. В большом камине, выложенном новенькими желтыми кирпичами, на груде огненных углей тлели поленья. Дрова отсырели — они шипели и то и дело

постреливали, исторгая душистый березовый пар. Художница блаженно втянула знакомый аромат и ощутила на губах детскую, бессознательно возникшую улыбку. Подойдя к огню ближе, она присела на кожаный диван, стоявший неподалеку от камина. Кроме дивана, в холле находился длинный обеденный стол, к которому были тесно придвинуты стулья с высокими спинками. Над столом на цепях висела массивная деревянная люстра в виде колеса телеги, усеянного по ободу электрическими имитациями свечей. Деревянные стены ничем не обиты и не оклеены — все тот же грубо ошкуренный брус, щели в котором были заткнуты мохнатой пенькой. От пола, вымощенного отшлифованным диким камнем, едко тянуло холодом, пронзавшим толстые подошвы ботинок. В узкие окна несмело заглядывало январское утро. В углу, под лестницей, ведущей на второй этаж, моргала гирляндой маленькая елочка в кадке. Вдоль левой торцевой стены располагались две двери из массива дуба. В простенке между ними громоздились картонные коробки.

Входная дверь открылась, в холле появились Сазоновы. Светлана тут же направилась к блаженно замершей у огня художнице и пожаловалась:

— Представь, Жора заявил, что никаких указаний насчет нашего стола не получал! Что он отвечает только за отопление и чистку снега. Чем мы должны здесь питаться?! Шишками?!

— Света, но мы же сегодня встречаемся с заказчиком, — примирительным тоном заметил Аристарх. — Вот и договоримся обо всем.